

В памяти навсегда

ГОВОРЯТ, время залечивает раны и притупляет память. Может быть, это и так. Но то, что мне довелось увидеть на Курской дуге вряд ли будет когда-нибудь забыто.

...Сгущалась ночная тьма, и все приходило в движение. По дорогам из тыла к фронту спешили грузовики, повозки, тягачи. Они везли снаряды, мины, горючее, продовольствие. На железнодорожных станциях разгружались эшелоны с войсками. Напряженная работа кипела на всех оборонительных рубежах. Отрывались траншеи, ходы сообщения. Оборудовались огневые позиции, командные и наблюдательные пункты, укрытия. Все зарывалось в землю, маскировалось от вражеского наблюдения. В ночной темноте бесшумно передвигались саперы, устанавливая противотанковые и противопехотные мины, фугасы, проволочные заграждения. По невидимым, только им известным путям пробивались связисты, тянули за собой бесчисленные нити проводов. Каждую ночь уходили за передний край разведчики, возвращаясь под утро, приводя пленных и доставляя новые сведения о противнике. Слышался в темном небе непрерывный гул моторов. Вездесущие «У-2» сбрасывали на позиции фашистов тысячи мелких бомб, держа их в постоянном напряжении. Тяжелые бомбардировщики шли в тыл врага, бомбили его эшелоны с войсками и боевой техникой. Кончалась короткая ночь, и на Курской дуге вновь все замирало.

Но вот настал день, когда здесь, на широких русских полях, развернулось одно из величайших в истории сражений. В нем довелось участвовать и воинам 51 Гвардейской стрелковой дивизии.

Бой начался на рассвете, в районе деревни Яковлево. В атаку шли мощные «тигры», за ними самоходные артиллерийские установки «фердинанд» и средние танки «пантера».

Это был железный натиск, лавина брони, рассчитанная на то, чтобы вызвать у бойцов страх и чувство бессилия перед ее всекрушающей мощью. Танки шли в несколько рядов на близком расстоянии один от другого. Им было тесно на этом изрытом поле, они даже не стреляли из пушек и без-

молвно надвигались на наши огневые позиции, блиндажи и траншеи. В первом ряду шло более 20 машин, потом новые десятки серо-зеленых громад... За пригорком возле моста показались хоботы пушек новых танков, нацеленных в нашу сторону. Это шла смерть молча, размеренно, перемалывая землю на своем пути.

— Товарищи, стоять насмерть!—прошла по траншеям команда гвардии майора Эммануила Асланяна.

— Есть стоять насмерть!— откликнулись с левого и правого флангов.

Бронебойщик Илья Тищенко тоже крикнул:

— Есть насмерть!

Он всей своей двадцатилетней жизнью смотрел вперед на чужие машины, на чужих автоматчиков под башнями танков, ему хотелось начать стрельбу, не ожидая команды, чтобы товарищи не подумали, что он боится. Ведь он впервые в бою.

— Ильюша, спокойно! Сейчас начнется!—прокричал ему на ухо товарищ. И, действительно, началось.

Бронебойки загремели таким дружным огнем по танкам, что посыпалась земля в траншеях. Артиллерия ударила из-за села сотнями залпов. Столбы земли, взлетая тяжелыми глыбами ввысь, на миг закрыли горизонт. Из нескольких вражеских танков, успевших дойти до передних траншей, повалил черный дым.

— Огонь! Огонь!

Здесь не нужна была команда. Если бы даже человек обладал громовым голосом, то его все равно никто не услышал бы. Немецкие автоматчики падали, теряя каски, их давили гусеницы своих же танков.

Бой разгорался с яростной силой. Гвардии лейтенант Алексей Мильих оказался лицом к лицу с сотней вражеских автоматчиков. Они стреляли, спрятавшись за буграми.

— Развернуть орудия!—скомандовал лейтенант.

По немецким танкам и автоматчикам били прямой наводкой.

Это было сложно: держать врага на прицеле и не стрелять, подпускать его совсем близко, но не дать ему проскочить тот рубеж, когда можно ударить наверняка. Нервы были напряжены до предела. Танки были уже близко. Стоял неимоверный грохот, и казалось, что не только земля, но и небо разламывалось на куски.

Вот запылал головной танк. Ударил по другим. Задымили второй, третий и четвертый. Танки развернулись и стали уходить.

— Ура артиллеристам!—донеслось из наших окопов.

А дальше все случилось очень

быстро: налетели на батарею вражеские бомбардировщики. Бомбы рвались близко, еще ближе. Вдруг резкая боль опалила голову Мильиха, и в ту же секунду он почувствовал, что ноги не держат его. Он упал. А в небе в это время разгорелся бой—на врагов внезапно налетели наши истребители.

Ни на секунду не утихал бой в этот день. Безрассудные атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Случилось так, что батарея оказалась отрезанной от основных сил. Автоматные и пулеметные очереди сыпались на головы артиллеристов. Сраженные пулями, падали у орудия боевые друзья. Снаряды были на исходе. И все-таки артиллеристы продолжали держать свою позицию.

Да, это был жестокий бой. Пять танков шли на орудие гвардии сержанта Саркиса Сардаряна.

Все номера расчета застыли на своих местах, ожидая приказа. Напряжение достигло наивысшего предела, но командир все медлил. Он смотрел вперед и, как опытный охотник, рассчитывал и выжидал.

— Огонь!

Как от развернувшейся упругой пружины, все пришло в движение. Из орудия вылетел снаряд за снарядом. Расчет работал слаженно и четко. Били точно в цель. Две вражеские машины уже пылали. Внезапный меткий огонь артиллеристов привел противника в замешательство. Танки остановились, этого и ждали у орудий. Артиллеристы били и били. Павших в бою заменяли друзья, раненых тут же у орудия перевязывали.

Немцы ценою огромных потерь достигли первой линии наших окопов.

С обеих сторон села через сожженные сады и хаты, через рвы на большой скорости на гитлеровцев ринулись советские танки, их было немало. От их хода дрожала земля, и от выстрелов пушек потемнело небо.

Сплошной огонь, дым и скрежет железа. Танки сходились, расстреливали друг друга в упор, наезжали друг на друга. А по тем, что прорывались вперед, артиллеристы били прямой наводкой.

Батальон Эммануила Асланяна пошел в контратаку. Закипела одна из тех рукопашных схваток, о которых оставшиеся в живых гитлеровцы всегда будут вспоминать с дрожью. Потерянные рубежи были взяты.

Мне вдруг бросилось в глаза поле. Накануне сплошной стеной стояла созревающая пшеница и ждала хозяина. Теперь это было мрачное, бурое, обожженное кладбище. Стояло лето, а на земле не было зелени. С рыжей ее спины в небо задирали хвосты с черными крестами мертвые вражеские бомбардировщики и истребители,

стояли обгорелые, с опущенными к земле стволами пушек «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Враг рассчитывал на свою новую технику. Но—просчитался. Фашисты наступали в последний раз. Дальше, когда мы гнали их на запад, чтобы добить, они только оборонялись.

К вечеру бой стихает. Увозят раненых, солдаты в ложине зарываются в землю, сооружают блиндажи.

Привозят ужин. И жизнь входит в свою фронтовую колею. В одном окопе подтрунивают над молодым парнем из-под Пензы. Он во время бомбежки затыкал уши. В соседнем блиндаже вызывает смех тощий повар, который накладывает в котелки жирную кашу и жалуется, что сам не успевает ни пообедать, ни поужинать. Кто-то расстилает шинель и собирается отдохнуть.

Вспыхивают световые ракеты, и пунктирные линии трассирующих пуль прорезывают вечернюю мглу. Прибывает пополнение, новые красноармейцы заменяют тех, кто пал в утреннем бою. Люди знакомятся, рассказывают о тыле. Все прислушиваются к каждому слову новых бойцов батальона.

На лужайке под большим деревом, уцелевшим каким-то чудом, собрались разведчики. Асланян посылал их на выполнение боевого задания. А потом он пошел к себе в блиндаж. Расстегнув ворот гимнастерки, склонился над картой. Отложив на минуту красный карандаш, он незаметно для себя опустил голову на стол и тотчас же уснул. Это увидел один из воинов. Он подошел к столу, отодвинул карту в сторону и осторожно подложил под голову Эммануила Асланяна походную подушку.

...На войне и мимолетное знакомство оставляло иногда в памяти глубокий след. Уже при втором свидании люди вели себя, как добрые знакомые, а если доводилось им столкнуться в третий раз, они встречались, как братья. Ими и были для меня Эммануил Асланян и Алексей Мильих, Илья Тищенко и Саркис Сардарян. Как живые встают передо мною образы этих и многих других мужественных воинов, сражавшихся не на жизнь, а на смерть с коварным и злобным врагом.

Идет время вперед. Дети, которые родились в том году, уже стали взрослыми, пришли к станкам, в аудитории вузов, стали инженерами, врачами, педагогами.

Я не знаю, где сейчас мои названные братья, с которыми исходил пешком и изъездил на машинах тысячи километров, пережил все — ожидание, сражение, радость победы и тяжелые минуты гибели товарищей.

Как бы хотелось, чтобы они были в своих родных очагах. И еще хотелось бы, чтобы их товарищи, друзья и близкие сказали им: «Спасибо, дорогие!».

А. МАТХАШЯН.